

ОТ СУНЬ ЦЗЫ ДО ДЖОЗЕФА НАЯ

КИТАЙ ОСМЫСЛИВАЕТ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.А. АРИН

Доктор исторических наук

Ключевые слова: Китай, теория международных отношений, комплексная мощь государства, «мягкая сила»

В последние два десятилетия его эксперты не могли избежать влияния западных теорий международных отношений, в результате чего традиционные китайские взгляды на мир и на место и роль Китая в мировой политике претерпели определенные изменения.

«ВЕЛИКАЯ ГАРМОНИЯ» ПОД СЕНЬЮ ПОДНЕБЕСНОЙ

С недавних пор западные ученые стали задавать себе вопрос: почему на Востоке, прежде всего в Восточной Азии, нет теорий международных отношений?

Вопрос поставлен чисто в западном стиле, поскольку он подразумевает теорию именно в форме западных парадигм, т.е. тех терминов, понятий и категорий, к которым привык сам Запад. При этом упускается из виду то, что фактически и западная наука начала творить теории международных отношений только после Второй мировой войны, да и то не сразу, если вспомнить аналогичный вопрос, поставленный в 1966 г. Мартином Вайтом (1913-1972), - одним из столпов британской теории международных отношений - применительно к самому Западу: «Почему нет теории международных отношений?»¹.

Как представляется, и Вайт, и те, кто задают этот вопрос в отношении незападных стран, не проводят различия между двумя понятиями - наукой и теорией: наука открывает законы и закономерности природы и общества,

После саморазрушения СССР и слома биполярной системы международных отношений на Западе активизировались усилия ученых-теоретиков по формированию новых подходов к изучению мировых отношений. Пересматриваются концепции старых школ, создаются новые. С начала 1990-х гг. к процессу формирования теорий международных отношений активно подключился и Китай.

она объективна и универсальна, не имеет гражданства и национальности, теория же как форма научного обобщения основных идей в той или иной области знания может быть национальной, идеологизированной и даже ошибочной. В этом смысле можно утверждать, что подлинной науки о международных отношениях нет ни на Западе, ни на Востоке, а теорий существует великое множество и там, и здесь.

Не является исключением и Китай. В этой стране как в древности, так и после 1949 г. существовало множество теорий с китайской спецификой видения мира, которые не похожи на западные варианты.

Мировидение китайцев бази-

руется на традиционной философии, которая с начала XX в. стала разбавляться различными западными течениями, включая ее марксистское направление в советском исполнении.

По утверждению Цинь Яцина из Китайского университета внешней политики (Пекин), в китайском контексте понятие «теория» имеет два значения: одно - «руководство к действию», другое - сумма знаний и идей, объясняющих мир в духе теорий* Кеннета Уолца и Хедли Булла². К первому типу относятся такие практические теории, как «теория трех миров» во времена Мао Цзэдуна или «стратегические теории Дэн Сяопина». К ним же можно без большой натяжки отнести и знаменитую военную теорию (даже целое учение) Сунь Цзы (544-496 гг. до н.э.), воплощенную в «Искусстве войны»³, которая до сих пор остается настольной книгой для современных китайских и западных военных. Ко второму типу - теории с философским подходом к видению мира.

Долгое время китайская политическая мысль, действительно, не обременяла себя специфическими теориями международных отношений. На то были исторические причины.

* Кеннет Уолц (р. 1924) - американский политолог, один из основателей неореализма, или структурного реализма, в теории международных отношений. Авторы этой теории утверждают, что взаимодействие между суверенными государствами объясняется анархической структурой международных отношений, которая ограничивает и вынуждает их выбор.

Хедли Булл (1932-1985) - австралийский и британский ученый, основатель английской школы теории международных отношений. Автор книги «Анархическое сообщество: исследование строя мировой политики» (1977), в которой, в отличие от Уолца, отмечает, что, несмотря на анархический характер международных отношений, суверенные государства образуют не только систему государств, но и сообщество государств (*прим. ред.*).

Сунь Цзы сказал: если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение.

Они заключались в том, что в китайском лексиконе не могло быть даже слова «международный». Его заменяет слово *годзи*, состоящее из двух иероглифов, первый из которых - *го* - имеет значение «страна, государство», а второй - *дзи* - «межа, граница, край». Ведь в традиционном представлении китайцев Китай существовал в мире в качестве центра, от которого как бы кругами расходились всяческие народы-данники, управляемые китайским императором. Само название страны - *Чжунго* - означает «Центральное, или Срединное, государство». Т.е. структура такой международной системы была проста: в центре находится Китай, а на периферии - подчиненные государства, платившие дань центру. Эта система, видимо, сложилась еще в эпоху династии Чжоу (1046-771 гг. до н.э.), но наибольшее развитие получила после объединения страны в эпоху династии Цинь (221-207 гг. до

н.э.) и сохранялась другими династиями до начала XIX в. В китайском мышлении это означало взаимодействие не между центром и некими самостоятельными внешними государственными образованиями, а взаимоотношения внутри одной системы с четкой иерархической соподчиненностью. Поэтому ни о каком суверенитете или территориальной целостности подданных речи быть не могло. Такой подход в принципе исключал саму идею международной солидарности, соответственно, и какие-либо теории международных отношений даже практического характера.

Такое китайское мировидение обозначается термином *Тянься*, означющим «пространство под небом». Этот подход китайский ученый Цянь Му называет интровертным, «когда всё вокруг находится внутри меня». Для китайского мышления это означает, что нечто может быть далеко от субъекта во времени и пространстве, но это нечто никогда не будет в оппозиции к нему или таковым, которое нужно завоевывать. Если речь идет о пространстве, то система центр-периферия напоминает разбегающиеся от центра круги воды. Этот целостный подход отличается от западного двойственного представления о противоположностях, которые неизбежно должны вступить в конфликт.

Вторая идея *Тянься* - это идея *Датун* - великой гармонии, которая не только возможна, но и неизбежна, поскольку кажущиеся противоположные элементы всегда дополняют друг друга. Такое взаимодействие хорошо объясняется философией *инь-ян**. Концепция *Тянься* как бы охватывает весь мир и ставит своей целью гармонизацию мира. Она как бы представляет такое прост-

* *Инь-ян* (тьма-свет) - в древнекитайской философии полярные силы (женское и мужское, темное и светлое, пассивное и активное начала), составляющие ее движущие основы и гармонию (*прим. ред.*).

ранство, где встречаются человек и природа, материальное и идеальное, физическое и духовное.

Как уверяют многие китайские теоретики, современные идеи о гармонизации мира, внедренные во внешнеполитическую доктрину КНР в 2006 г. в виде принципа «уважения национальных интересов других стран»**, вытекают из идеи *Датун*⁴.

Третья идея *Тянься* - порядок. В конфуцианской философии, как известно, идея порядка в обществе является центральной. Хотя на первый взгляд в налогово-даннической системе заложена идея неравных отношений, в конфуцианском же смысле эти отношения по аналогии с отношениями между отцом и сыном определяются как милосердное неравенство. Именно так строилась семья в Китае, именно так строились и отношения внутри *Тянься*. Понятно, что для закрепления такой системы требовались некие принципы и правила, которые превратили ее в норму жизни. Как известно, их основой являются пять типов отношений: между отцом и сыном, императором и министрами, старшим братом и младшим братом, мужем и женой, другом и другом. Скрепляющим социальным клеем служили четыре принципа: правильное поведение, справедливость, честность и чувство стыда. Правление на основе этих правил называлось *Личжи*, означающее правление на основе этического кодекса и/или морали.

Западные авторы по-разному трактуют философию *Тянься*. В интерпретациях одних, как, например, австралийской Китаистки Розиты Делиос, эта философия, как и весь набор китайских философских течений - даосизм, конфуцианство, буддизм, моизм (усовершенствование общества через знание), представляет собой «гармонизацию на Земле»⁵. В толковании других, по ее же словам, это - «философия преднаучного мистицизма»⁶. Третьи счи-

** Подробнее см.: Пекинский вариант «мягкой силы». Мишина С.И. «Говори мягко...»; Русаков Е.М. «...держав в руках большую дубинку» // Азия и Африка сегодня, 2011, № 3 (*прим. ред.*).

тают, что концепция *Тянься* - китаецентристский взгляд на мир, в соответствии с которым в центре мира находится единственная цивилизация, Срединное царство, которое окружают варвары. Они не заслуживают даже названия. Роль и значимость последних зависят от степени усвоения ими китайской культуры. Естественно, взаимоотношения с ними не могли строиться на базе европейских представлений как между суверенными государствами: речь могла идти только об отношениях господина и подчиненных⁷.

Таким образом, на протяжении долгого исторического периода Китаю не было надобности создавать самостоятельные теории международных отношений из-за отсутствия необходимости в них. Они не формировались и в период с середины XIX в., когда Китай попал в «объятия» Запада, вплоть до образования КНР в 1949 г.

ОБЩИЕ ТЕОРИИ И ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

Теории международных отношений, выраженные в официальных государственных доктринах, касающихся внешней политики, стали появляться после образования КНР в 1949 г.

Эти теории были и остаются важнейшим компонентом, центральным стержнем процесса формирования и реализации внешней политики. Они призваны убедить население страны в обоснованности тех или иных шагов китайской политики на международной арене. В соответствии со стандартами китайских определений, теория (*лилунь*) есть «система концепций и принципов, или систематизированное рациональное знание; научная теория устанавливается на основе общественной практики, доказывается и проверяется общественной практикой и правильно отражает суть и законы объективной реальности. Значение научной теории определяется ее способностью управлять человеческим поведением»⁸.

Как представляется, в отличие от китайской практики, американцам кажется, что реальность создают сами США. Различные американские внешнеполитические концепции и доктрины (политический реализм, неоконсерватизм, неолиберализм, конструктивизм* и т.д.) представляют собой, скорее, набор целей, которых Вашингтон добивается на международной арене в соответствии с национальными интересами США. Их авторов не волнует, насколько эти интересы приемлемы для других субъектов международной политики. Тем более, их не интересует, насколько они адекватны объективному ходу развития человечества.

В Китае к теории исторически относились с глубоким уважением. Если она казалась убедительной, отражала практику большинства китайцев, тогда проведение политики на основе теории становилось нетрудной задачей, с точки зрения ее поддержки внутри страны. Причем китайцев не смущает частая смена теорий. Напротив, большую настороженность вызвала бы «вечная» теория: поскольку жизнь, мировая обстановка, да и сам Китай постоянно меняются, значит теория, отражая эти изменения, также должна меняться, иначе она превращается в догму.

В китайских документах часто присутствует термин *линхуо син* (гибкость), который как бы аккумулирует и отражает явления, требующие постоянных изменений. Одновременно есть некие постоянные ценности, которые нельзя изменить, или, по крайней мере, они не подлежат изменению. Это своего рода фундамен-

тальные принципы, касающиеся жизненных национальных интересов. Такие бескомпромиссные ценности обозначаются термином *юандзэ син* (принципы), под который подпадают национальные интересы, суверенитет и социалистический путь развития КНР. Среди национальных интересов четко фиксируется принцип воссоединения с Тайванем, не подлежащий ни компромиссам, ни даже обсуждению. В фундаментальные входят *чжунсюе вэйти* (китайские ценности), которыми нельзя поступать при взаимодействии с Западом. В то же время принцип *сисюе вэйюн* (западные ценности) предполагает использование этих ценностей в технических и практических целях⁹.

И хотя названные принципы находили свое воплощение в практических теориях и доктринах внешней политики КНР, они не могли не сказаться и на восприятии западных теорий, которые стали проникать в КНР с начала 1990-х гг.

ОСВОЕНИЕ ЗАПАДНОЙ МЫСЛИ

В начальный период становления КНР ее внешнеполитические теории обильно обрамлялись марксистской и социалистической терминологией. Но в последующем, особенно с конца XX в., в них активнее стали внедряться, с одной стороны, элементы традиционной китайской философии, с другой - достижения западной мысли.

Уже упоминавшийся Цинь Яцин, теоретик и исследователь становления теорий международных отношений в Китае, считает,

* **Политический реализм**, или **реализм**, объединяет различные теории и концепции международных отношений, основанные на верховенстве силы (мощи), прежде всего, военной и экономической. **Неоконсерватизм** рассматривает мировую политику как арену извечной борьбы «добра и зла» (отсюда - борьба Рейгана с «империей зла» и Дж.Буша - с «осью зла»), при этом главная и чуть ли не единственная «сила добра» - США. На практике внешнеполитические неоконсервативы проповедуют агрессивную идеологию мирового господства США (именно «господства», а не «лидерства», на которое претендуют более реалистичные американские политики). **Либерализм** делает акцент на множественности факторов, определяющих внешнюю политику государства (экономических, культурных и т.д.), и возможностях мирного сотрудничества. **Неолибералы** считают, что государства-нации добиваются экономических, стратегических и иных выгод в «абсолютном» измерении, а не в отношении других государств, что создает предпосылки для взаимовыгодного сотрудничества, особенно в рамках международных объединений и организаций. Сторонники **конструктивизма** утверждают, что международные отношения определяются взаимодействием различных общественных акторов, т.е. в той или иной степени подвластны им (*прим. ред. Е.Русакова*).

Количество публикаций статей основных теоретических школ (%)

Годы	Марксизм	Реализм	Либерализм	Конструктивизм	Кит. парадигма	Другие
1978-1990	32	26	16	0	6	20
1991-2000	5	34	37	6	9	9
2001-2007	4	24	32	25	5	10

что период после 1949 г. можно разделить на три этапа.

Первый этап начался в 1953 г., когда в Пекине впервые был учрежден факультет дипломатических исследований при Народном университете Китая, через два года реорганизованный в Институт внешней политики. Этот этап длился до 1964 г. Функции данной организации в основном сводились к подготовке дипломатических кадров. В ходе второго этапа (1964-1979 гг.) были созданы три факультета международных отношений в трех главных университетах страны - Пекинском, Народном и Фуданьском. В первом изучались освободительные движения в «третьем мире», во втором - коммунистические движения в мире, в третьем - международные отношения в западном мире. Основной задачей была интерпретация мировой политики в духе классиков - К.Маркса, В.И.Ленина и Мао Цзэдуна. Формировались и теории прикладного назначения (теории для действий) типа различных вариантов теорий «трех миров».

Третий этап длится с 1979 г. по сей день¹⁰. Именно в это время в Китае начинается углубленное освоение западной мысли. Количественное нарастание такого освоения демонстрирует таблица, в которой показано число публикаций основных китайских теоретических школ международных отношений, каковыми являются марксизм, реализм, либерализм, конструктивизм и китайская парадигма на основе китайской философской мысли. Подсчет велся автором на основе анализа пяти основных журналов, специализирующихся на международной тематике: *World Economics and Politics*, *European Studies*, *Foreign*

Affairs Review, *International Review* и *Contemporary International Relations*¹¹.

Приведенные цифры красноречиво свидетельствуют о резком падении за указанный период публикаций марксистской школы и застойном состоянии традиционной китайской школы. В то же время, если высокий процент публикаций школы политического реализма и либерализма объясним тем, что именно работы авторов данных направлений переводились в Китае в первую очередь, то популярность конструктивизма, оказывается, была вызвана тем, что, по словам профессора Циня, эта школа в своей сути совпадает с интерпретацией в китайской философии понятия *И син* (изменение). Кроме того, другим ключевым словом в конструктивизме является самовосприятие (идентичность), которое для нового Китая также стало важным из-за определения себя в качестве возвышающейся державы. Взаимодействие идентичности и поведения широко обсуждалось в Китае в рамках конструктивизма, что и сделало эту школу популярной среди китайских ученых.

Объясняя падение интереса к марксистской школе, автор указывает, что она не смогла развить парадигму, объясняющую уникальность Китая, специфический характер китайского социализма и характер его поведения на мировой арене.

Несмотря на усиленное распространение западных школ, прежде всего американских, китайские ученые осознают, что они не могут объяснить явления, характерные для поведения Китая и других стран Восточной Азии в терминах своих теорий. Это относится, например, к углубле-

нию интеграционных связей вопреки отсутствию доверия между многими странами региона. Кроме того, они понимают, что нельзя слепо следовать западным теориям международных отношений, а необходимо вырабатывать свои собственные, исходя именно из китайской практики и перспектив своей страны. Как полагает Цинь Яцин, от Китая ждет этого и «остальной мир», отношения с которым расширяются и уплотняются с каждым годом.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на осознание такой потребности, до сих пор в Китае так и не создана хорошо структурированная китайская теория международных отношений.

МОЩЬ ИЛИ СИЛА?

На официальные китайские внешнеполитические доктрины наибольшее влияние оказали теории, построенные на идеях силового подхода неореалистов (теория комплексной мощи государства) и концепции «мягкой силы» Джозефа Ная.

Теория комплексной мощи государства на китайском языке называется *дзунхе голи*. Американцы ее переводят как «комплексная национальная сила» (*Comprehensive National Power*). Надо заметить, что китайский иероглиф *ли* означает именно «силу», поскольку «мощь» они передают другими иероглифами - *кэнен* или *цянгуань*. В результате, в таких переводах исчезает разница между мощью и силой, содержание которых весьма различно¹².

Концепция *дзунхе голи* была разработана в конце 1990-х гг. в недрах Китайской академии социальных наук, Военной академии Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и Китай-

Комплексная мощь 10 ведущих государств (2006 г.)

Место	Страна	Очки
1	США	90.62
2	Великобритания	65.04
3	Россия	63.03
4	Франция	62.00
5	ФРГ	61.93
6	Китай	59.10
7	Япония	57.84
8	Канада	57.09
9	Корейская Республика	53.20
10	Индия	50.43

Источник: Reports on International Politics and Security (January 2006) // Yellow Book of International Politics - http://en.wikipedia.org/wiki/Comprehensive_National_Power

ского института современных международных отношений. Точнее, идеи американских ученых не столько разрабатывались, сколько перерабатывались. Измерениями силы (*power*) в международных отношениях занимались многие западные политологи. Подробную статью о таких подсчетах написал Джефри Харт¹³.

Показатели, которые использовали китайцы, по существу, ничем не отличаются от американских вариантов, разве что за исключением их количества. Так, Китайская академия общественных наук насчитала 8 аспектов и 64 индикатора.

Что же китайские исследователи понимают под комплексной мощью государства?

Шанхайский ученый Цю Минчжэнь дает такое ее определение: «Национальная мощь (*power*) - это своего рода объединённая сила (*force*), равно как и интегрированная и комплексная система сил (*strengths*). Она включает в себя экономическую, политическую, военную и дипломатическую силы (*powers*) определённой нации и также накопление, потенциал, действенность (*vigour*) и уровень развития культуры. ... Культура является не только постоянной существенной частью комплексной мощи государства, но и важным ее показателем»¹⁴.

На начальной стадии формирования концепции комплексной мощи китайские авторы, перечисляя ее «жесткие» составляющие (экономика, территория, население, военная сила и т.д.), большое внимание уделяли ее «мягким» компонентам в марксистском смысле. Так, Цю Минчжэнь, подчеркивая, что Китай является социалистическим государством, рассматривает комплексную мощь как отражение соответствия социалистической надстройки социалистическому экономическому базису и социалистическим производительным силам. «Поэтому, - пишет он, - чтобы усилить комплексную мощь Китая, мы должны консолидировать и развивать экономическую систему на начальной ста-

дии социализма, энергично развивая социалистические производительные силы, строить материальную и институциональную цивилизацию социализма, также как и развивать надстройку и социалистическую идеологию, адаптированную к социалистическому базису. И на этой основе строить духовную цивилизацию, всесторонне продвигаясь к прогрессу. Это базовые условия для усиления комплексной мощи социалистического Китая и историческая задача социалистической культурной работы в Китае. В целом же, социалистическая культура Китая включает в себя материальные и духовные культуры»¹⁵.

При таком подходе «китайская специфика» проявляется в социалистическом характере концепции комплексной мощи. Культура становится чуть ли не ядром всей мощи, от степени развития культуры зависят все остальные ее компоненты, в т.ч. и материальные. Цю Минчжэнь пишет: «Китайская социалистическая духовная культура включает в себя идеологию, мораль, образование, науку, технологию, литературу, искусство, санитарную и физическую культуру. При этом наука и технология, особенно их наиболее развитые формы, являются «первичными производительными силами»¹⁶.

С течением времени китайские ученые перестали акцентировать социалистический характер комплексной мощи, видимо, поняв, что надстроечные факторы в этой мощи невозможно подсчитать, и сконцентрировались на ее «жестких» компонентах. Однако и здесь все оказалось не так просто.

В 2007 г. два китайских автора из университета Цинхуа - Ху Аньган и Мен Хонгуа - привели результаты анализа комплексной мощи государства по формуле, разработанной Хуан Шофэном из Военной академии НОАК:

$$P = K \times H \times S,$$

где *P* обозначает «силу» в данном году, *K* - координационную систему, включающую такие факторы, как способность национального руководства к координации и объединению, *H* - материальное обеспечение, включающее все физические факторы, *S* - интеллектуальное обеспечение, включающее совокупность императивов (нравственных предприятий) мышления, интеллектуальные и другие факторы¹⁷.

К материальному обеспечению относятся: экономические ресурсы, человеческий капитал, природные ресурсы, финансовые ресурсы, ресурсы в области знаний и технологий, ресурсы в управлении (финансовые расходы

Во время встречи с военными на сессии ВСНП в марте 2013 г. председатель КНР Сянь Цзипин заявил: «Армия должна быть полностью готова к победе в любой войне». Фото Агентства Синьхуа.

центрального управления), военные ресурсы, интернациональные расходы (это объемы экспорта и импорта, роялти и лицензионный сбор). В итоге - восемь параметров, состоящих из более мелких индикаторов.

Хотя статья этих авторов была написана в 2007 г., обобщающие данные приведены только за 1998 г. Как бы то ни было, подсчет мощи по этой методике, в итоге, для пяти государств выстроил такую иерархию (см. *табл. 2*): США, Япония, Россия, Китай и Индия. Однако по одному из главных индикаторов - ВВП, входящему в комплексную мощь государства, Россия в те годы находилась на 11-м месте, уступая остальным названным государствам.

Еще больше вопросов вызывает *табл. 2* из «Желтой книги» по мировой экономике и международному развитию Китайской академии общественных наук.

Из этой таблицы явствует, что комплексная мощь государства, например, таких стран, как Канада и Южная Корея, превосходила аналогичную мощь Индии, а Великобритания - всех стран, кроме США. Это явно расходится с действительностью, и не только потому, что в комплексной мощи трудно подсчитать важность

(удельный вес) не только нематериальных факторов, но и материальных ресурсов: населения, территории и даже объема экономики. Эти индикаторы лишь констатируют количественные параметры, в лучшем случае намекая на потенциал их использования в рамках комплексной мощи государства. Скажем, в Канаде население составляет около 35 млн чел., а в Индии - более 1,2 млрд чел., но, несмотря на это, ВВП Канады превосходит ВВП Индии, что означает: на душу населения Канады приходится значительно больше выпускаемой продукции, чем в Индии.

Другими словами, мощь - просто количественный подсчет материальных ресурсов страны, ее, выражаясь марксистским термином, материальная база, которая должна быть сопряжена с надстройкой государства. Именно государство определяет, каким образом эту мощь, этот потенциал превратить в силу для достижения каких-то целей. Но эта проблема на теоретическом уровне китайскими учеными не обсуждается.

«МЯГКАЯ СИЛА» ПО-КИТАЙСКИ

В конце декабря 2012 г. в КНР состоялось учредительное собрание Китайской ассоциации публичной дипломатии. Ее создание - новый шаг китайского руководства в реализации концепции «мягкой силы». Председателем ассоциации был избран председа-

тель комитета по международным делам ВСНП Ли Чжаосин, в 2003-2007 гг. возглавлявший МИД КНР.

Китайские политологи рассматривают «мягкую силу» как важную составную часть комплексной мощи государства, его международного влияния и престижа.

Концепция «мягкой силы» вошла в лексикон китайских политологов вскоре после того, как ее автор - американский ученый Дж. Най изобрел этот термин: с появлением в 1993 г. статьи Ван Хунина в журнале Фуданьского университета под названием «Культура как национальная сила: мягкая сила»¹⁸.

На первый план была поставлена культура как главная составляющая «мягкой силы», на основе которой должна базироваться внешняя политика КНР.

В 2009 г. вышла книга под названием «Мягкая сила: стратегия нового Китая в международной политике»¹⁹, авторами которой являются почти исключительно китайцы как граждане КНР, так и проживающие за рубежом.

Редактор сборника сингапурский ученый Ли Минцян обозначает два подхода к теории «мягкой силы». Один выражен Джоуха Курланчиком: китайская «мягкая сила» «трансформирует весь мир». Другой - известным американским международником Фаридом Закарием: «Китай использовал мягкую силу только в том смысле, что она позволяет реализовывать его силу мягко. Он делает это сознательно, показывая, что он не является международным «громилой»²⁰. Ли считает, что «мягкая сила» в рамках американской либеральной демократии привлекает многие элиты «первого мира», а в подаче китайской модели «политического авторитаризма плюс экономического либерализма» - страны «третьего мира»²¹.

Китайский вариант «мягкой силы», утверждают китайские ученые, включает в себя многосторонность (активное участие в международных организациях), экономическую дипломатию, политику добрососедства.

Так, Чэнь Цяньфен пишет, что китайская культурологическая доктрина «Срединного пути», которая лежит в основе учения конфуцианства, - это и есть китайская «мягкая сила»: «В контексте международных отношений... конфуцианство настаивает на обращении с другими нациями на основе мягкости и морали и верит, что доброта является противоядием грубости»²².

Другие китайские ученые исходят из того, что «мягкая сила», скорее, коренится в политической силе, чем в культуре, и в современных условиях воплощается в нынешних государственных институтах, нормах и надежности (политической системы). Они выдвигают идею о том, что сама нынешняя китайская модель развития является «источником национальной мягкой силы».

Мен Хунхуа (КНР) выделяет пять элементов мягкой силы: культура, ценности, модель развития, международные институты и международный образ страны. Задача заключается в том, как пропрекламировать, скажем, культурный образ Китая на международной арене. Однако китайские ученые обеспокоены тем, что на деле Китай не столько привносит в мир свою культуру, сколько Америка обеспечила себе культурологическую гегемонию в мире, включая растущее влияние американской «мягкой силы» в самом Китае.

По мнению американского эксперта китайского происхождения Чжао Суйшена, «Китайская экономическая и военная сила так же несопоставима с американской, как и мягкая сила Китая, в частности, с точки зрения политических ценностей и моральной привлекательности»²³.

* * *

Как представляется, западные концепции, которые столь интенсивно стали осваивать китайские ученые с начала 1990-х гг., мало способствовали развитию теорий международных отношений в Китае.

С одной стороны, это вызвано тем, что даже на Западе теории международных отношений находятся на стадии, все еще не оформившейся в целостную науку. С другой стороны, играет фактор несовместимости подобных концепций не только с китайской культурой политического мышления, но и с общей моделью развития страны. Эту модель политологи-международники часто называют «пекинским консенсусом» в противоположность «вашингтонскому консенсусу», что в упрощенной форме означает принципиальное отличие социалистического и капиталистического вариантов развития. Фундаментальные различия в этих «консенсусах» - главная причина отторжения западных теорий в китайском обществе.

Тем не менее, китайцы не избегают использования некоторых аспектов различных теорий Запада в прикладном значении. Так, теория комплексной мощи государства стала стимулом для анализа сопоставления материальной мощи КНР с другими странами, которая, хотя и в приближенной форме, все же позволяет более объективно оценивать динамику роста экономического потенциала страны. Небесполезна и теория «мягкой силы» Ная. Она подтолкнула китайцев обратить более пристальное внимание на надстроечные элементы во внешней политике, одним из которых стала и пропаганда национальной культуры. В различных странах созданы институты Конфуция, в задачу которых вменяется распространение знаний о Китае, его культуре, литературе и т.д.

Правда, если говорить о международном образе КНР, пока произведенная ею продукция, заполонившая весь мир, усиливает его в значительно большей степени, чем мудрость Конфуция. Но на все надо время. Не исключено, что через какое-то время на столе западных политических и военных лидеров, помимо книги Сун Цзы «Искусство войны», будет лежать и томик изречений Конфуция.

Время покажет.

¹ *Wight Martin*. Why is there no International Theory? // *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. London, Allen & Unwin, 1966, p. 17-34.

² *Qin Yaqing*. Why is there no Chinese international relations theory? // *Non-Western International Theory. Perspectives on and beyond Asia*. London, New York, 2010, p. 27.

³ *Sun Tsu*. *The Art of War*. Boston, London, 1988.

⁴ *Dellios Rosita*. International relations theory and Chinese philosophy (2011) // *Humanities & Social Sciences papers*. Paper 570, p. 74 - http://epublications.bond.edu.au/hss_pubs/570

⁵ *Ibid.*, p. 81.

⁶ *Ibid.*, p. 65.

⁷ *Jacque Martin*. *When China Rules the World*. New York, 2009, p. 240-244.

⁸ *Ci hai* (Shanghai: Shanghai Dictionary Publishing House, 1979, 2766). Cite: *Wang Jisi*. *International Relations. Theory and the Study of Chinese Foreign Policy: A Chinese Perspective* // *Chinese foreign policy: theory and practice*. Oxford, New York, 1994, p. 482.

⁹ *Zhao Quansheng*. *Chinese Foreign Policy Toward Northeast Asia and Sino-Korean Relations: Domestic and International Dimensions* // Prepared for the International Symposium on «East Asia Transformed: New Patterns in the 1990s». November 14-17, 1991, Pusan, Korea.

¹⁰ *Qin Yaqing*. *Op. cit.*, p. 28.

¹¹ *Qin Yaqing*. *Development of International Relations Theory in China* // *International Studies*. 2009, №1, 2, p. 193.

¹² Подробнее см.: *Арин Олег*. Двадцать первый век: мир без России. М., 2001.

¹³ *Hart Jeffrey*. *Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations* // *International Organizations*. Spring 1976, № 2.

¹⁴ *Qiu Mingzhen*. *On Development of Culture and Comprehensive National Power* // *SASS Papers* (Shanghai Academy of Social Sciences). 2000, № 8, p. 314.

¹⁵ *Ibid.*, p. 318-319.

¹⁶ *Ibid.*, p. 319.

¹⁷ *Ху Аньган, Мен Хонгуа*. Подъем современного Китая. Всеобъемлющая национальная мощь и великая стратегия // Альманах «Восток», сентябрь 2007, № 2 - http://www.situation.ru/app/j_art_1195.htm

¹⁸ *Wang Huning*. *Culture as National Power: Soft Power* // *Journal of Fudan University*, 1993, № 3.

¹⁹ *Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics*. *Li Mingjiang*, ed. N.Y., Lexington Books, 2009.

²⁰ *Ibid.*, p. 2.

²¹ *Ibid.*, p. 6.

²² *Ibid.*, p. 12.

²³ *Ibid.*